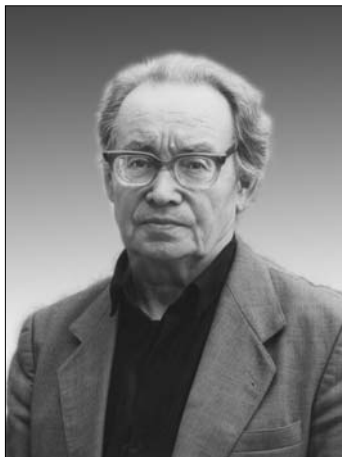

ЯМИЛЬ МУСТАФИН

ХЛЕБУШЕК

РАССКАЗ

На перегоне между полустанками Байроновка и Разгон почти в пяти тысячах километров от Москвы работали прикомандированные к путейцам рабочие из механических мастерских — ПЧ-1 (путевая часть Восточно-Сибирской железной дороги). Среди взрослых было четырнадцать подростков: слесарей-прорубщиков, только что сдавших экзамены на третий разряд и гордо именовавших себя “рабочим классом”. Каждому из мальчишек было чуть больше шестнадцати, и они, как весь рабочий люд, заслуженно получали рабочие продуктовые карточки. Среди талончиков на крупу, жиры, мясо, рыбу, сахар был самым дорогим, можно сказать бесценным, особый талончик размером чуть больше квадратного сантиметра. На него выдавали 800 (целых восемьсот!) граммов хлеба. Иждивенцам и служащим выдавали всего 400 граммов хлеба. Если талончики на другие продукты могли и не отovarить, то хлебушек рабочий человек и служащие получали всегда!

Утерянную продуктовую карточку никогда не восстанавливали. Поэтому люди берегли “кормилицу” пуще глаза своего.

В тот 1942 год декабрьские морозы завернули так, что ночами деревья устраивали настоящее пальбище. На Тайшетских улицах стояла могильная тишь. Дымы из печных труб мраморными столбами подпирали небо. Казалось, что ночами можно было услышать, как величаво плывущая по небу луна трётся боками о тучи.

МУСТАФИН Ямил Мустафьевич родился в Башкирии в 1927 году. Освоил профессии слесаря, токаря, кузнеца, путейца. Одновременно учился. Отслужил 8 лет в Военно-морских силах в Порт-Артуре. В 1962 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор 23 книг — рассказы, повести, романы, очерки о летчиках-испытателях, строителях БАМа... Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Стужу не выдерживали не только деревья, но и стальные пути железой дороги, по которым дённо и ношно шли на запад тяжело гружённые военным скарбом и техникой составы, эшелоны с красноармейцами. Сибирские дивизии спешили спасать столицу, а значит и державу СССР, которой судьбой суждено было спасать от гибели народы Европы, чью спесь и гордыню сокрушили потомки немецких крестоносцев, получивших 700 лет тому назад от Александра Невского хорошую трёпку...

Бывали дни, когда поезда мчались на подмогу одновременно по двум колеям. Это было смелое, очень рискованное, не соответствующее никаким техническим нормативам решение руководителей железной дороги.

Нагрузка на рельсы была огромна. Они не выдерживали подобного испытания невероятными морозами и физическими нагрузками. Путьейцы с трудом успевали латать (сменить рельс, стёртую подкладку, лопнувшие накладки, произвести рихтовку) путь на одном участке, как путеобходчики натывались на подобный опасный для движения дефект на другом. Тут нужен был глаз да глаз. Путьейцы, как и военные, постоянно находились в готовности номер один.

Вот в такой сложно-критической обстановке руководство Тайшетской дистанции пути приняло решение командировать на подмогу путьейцам рабочих механических мастерских. Это были подростки и женщины, то есть та категория рабочих, без которых механические мастерские не могли выполнять самые необходимые работы; сварочные, кузнечные, токарно-слесарные...

Подростки не раз бывали в таких командировках и неплохо знали профессию путьейца. Работа эта не из сферы изящных искусств. Здесь нужны сила, сноровка и главное — трудолюбие. Сачковитому хитровану тут делать нечего. Рабочий люд может раз-другой простить леность хитрована, потом открытым текстом предупредить, мол, нехорошо отлынивать, когда все в поте лица вкальвают. Если и это не воздействует, то могут запросто набить морду. Нет, ногами семеро одного не станут пинать, как нынче. Это исключено. Но после подобных дисциплинарных воздействий, как правило, у сачков появляется “второе рабочее дыхание”.

От добротности и быстроты работы ремонтников пути зависит и прохождение поездов по расписанию, и жизнь людей, и сохранность грузов... Или время было иное, может, характеры, психика людей изменилась, но подростки шкурой чуяли эту ответственность. Не поэтому ли нынче крушений, аварий на железной дороге в несколько раз больше, чем это было в те далёкие (недалёкие!) годы, когда путьейцам приходилось чинить буквально весь набор путевого хозяйства?!

Быстро расшив рельс — вытащив лапами (ломы, похожие на огромные гвоздодёры, а точнее сказать, похожие на ноги парнокопытных) костыли, с огромным усилием отвинтив с дюймовых болтов на стыковочных накладках намертво свешие от морозов на резьбу гайки, человек двадцать мужиков и баб отволакивали путьейскими щипцами (клещами) на край откоса аварийный рельс...

Вскоре возле соседнего пикета путьейцы наткнулись ещё на лопнувший у стыка рельс. Дорожный мастер Анатолий Корноухов, приземистый, в тяжёлыми плечами мужик, матюгаясь и кляня всех и вся себе под нос, прихрамывая на неподвижную от рождения в колене ногу, двинулся к залятому пикету, где обнаружили отломленную головку рельса. Корноухов в сердцах пнул отлом и охрипшим от стужи голосом крикнул бригадире — длинноногому, сутулому мужику в латаной, короткой, видно, с чых-то плеч шубейке:

— Михаил, брось сюда мальцов, чтоб рельс расшили. Отлом на соплях висит — двух-трёх болтах на накладках держится! Вот-вот литерный должен пройти...

— Усёк, Анатолий Васильевич. “Окно”, наверное, придётся чуток отложить...

— Поступай как знаешь! Чтоб только быстрее...

В разгар ремонтно-восстановительных работ, когда люди молча (каждый строго выполнял свою функцию, доведённую до автоматизма!), наверное, в душе костыли и мороз, и заводы, не присылавшие вот уже год ни рельсов,

ни костылей, ни накладок, ни подкладок, и литерный поезд, из-за которого сейчас приходится вкалывать из последних сил, и Гитлера-паразита, затеявшего войну, делали свою тяжкую работу, послышался шум приближающегося поезда. По звонкому, мелодичному гудку паровоза дорожный мастер определил: идёт тот самый, пассажирский литерный.

— Нет бы на часок опоздать, так нет, прёт с опережением! — чертыхнулся Корноухов и деланно бодро крикнул: — А ну, бабоньки, поднажмите, родненькие, ещё чуть-чуть!

На бодрую шутку дорожного мастера никто не отозвался. Только чаще застучали по костылям тяжеленные молотки, да шумно участилось дыхание у каждого...

Подростки перекинулись репликами:

— Подумаешь! Пассажирский! Постоит!

— Если б военный эшелон, другое дело!

Шипя-пыхтя парами, красавец “ИС” (“Иосиф Сталин”) замер в метрах ста от ремонтных работ. На всю застывшую стынь звякнули буфера вагонов, заскрипели промёрзшими суставами и эхом понеслись по падям, отвратительно заскулили тормозные колодки.

— Ребя, гляньте, кажись, генерал бежит к нам... — сказал Гога, орудовавший у лопнувшей накладке огромным путёвым ключом. Выпрямился. Поправил ушанку, сползшую на глаза.

— Откуда в пассажирском генерал? — бросил худущий Лёнька Белогривый. — Поезд-то не военный...

— И правда генерал! — воскликнул крепыш Джемиль Ишкильдинов, старший среди подростков. — Лёнь, разве не видишь лампасы?

— Что случилось, рабочий класс? — спросил, подходя, генерал. Ребята обратили внимание на белоснежный полушубок, на ногах — белые фетровые бурки, папаха с красным верхом.

— Релье лопнул, вот и меняем, — как старшой, ответил Джамиль.

— И долго будете менять? — спросил генерал.

— Постараемся побыстрее закончить... Не только ваш пассажирский задерживаем... За вами, наверное, военные эшелоны идут, — по-деловому ответил Ишкильдинов.

— Вы-то постоять можете, а военным эшелонам никак нельзя! — серьёзно заметил Лёнька.

— Ясно, всё понял, рабочий класс... — и уже уходя, обернулся и сказал: — Может, к нам в вагон заглянете? Погреемся...

— Спасибо... Нам никак нельзя... “Окна” узкие, а поезда один за другим прут... Вот и вы раньше времени подошли... — объяснял Джамиль.

— Жаль... — ответил генерал и направился к вагону.

— Тоже мне “нельзя”! — взъярился Белогривый, когда удалился генерал. — Подумаешь, что может случиться, — паровоз с пути сойдёт, если отойдём на пять минут?.. — хорохорился Лёнька, устремив полный зависти взгляд вслед удаляющемуся генералу. — Тоже начальник мне!

— Сказал нельзя, значит нельзя, — осадил Джамиль. — Все вкалывают, а мы... — в голосе подростка не было обычной твёрдости.

— Пусть сходит... — подал голос Гога. — Заглянет в вагон и вернётся мигом...

— Генерал вон уже где... Догонять что ли его будет? А может, ещё окликнуть его? — совсем уж квёло говорил Ишкильдинов.

— Почему стоим, а не работаем? — едва шевеля застывшими губами, неожиданно объявился рядом дорожный мастер.

— Вон генерал... Позвал нас к себе в вагон... — несмело начал Джамиль.

— Сам же сказал: догонять что ли будешь... — не скрывая обиды, буркнул Белогривый.

— Ну-у, если генерал пригласил, думаю, нехорошо отказываться, — серьёзно начал Корноухов, по глазам подростков видя, как им хочется побыть в вагоне генерала. — Ишкильдинов, бери свою команду и чтоб одна нога там, а другая здесь!

— А что я говорил? — пробубнил Белогривый.

Побросав ещё больше потяжелевший от мороза и без того нелегкий путейский инструмент, подростки помчались к вагону, куда поднялся генерал.

В тамбуре приятели старательно смели голиком с валенок снег, робко вошли в вагон. И обомлели! Летняя теплынь заласкала, зацеловала их заledenные щёки, губы. Красная ковровая дорожка радужным лучом радовала глаза. Подростки ступали по ковру, будто по стеклу, — осторожно, боязливо. В нерешительности остановились возле открытого купе, куда вошёл генерал. До головокружения вкусно пахло хлебом.

— Чего остановились? Входите, — пригласил генерал, добродушно улыбаясь. — Геннадий Петрович, — обратился он к человеку в полосатой пижаме на верхней полке: — К нам в гости пожаловал рабочий класс!

— Отлично! Проходите-проходите, ребята, — как-то совсем не по-военному сказал человек в пижаме, слезая с полки.

Самый говорливый и шустряк среди приятелей Лёнька Белогривый сейчас был тише воды, ниже травы. В его таёжной зелени глазах искрилось восхищение, он не мог скрыть радость от увиденного.

Человек в пижаме — Геннадий Петрович — совсем не походил на военного. Его тихий голос и серые добрые глаза напомнили директора школы Кашевского, преподававшего историю, который добровольцем ушёл на фронт в первые же дни войны.

Геннадий Петрович уселся возле окна, гостей усадил напротив себя и пристально оглядел каждого. “Им в пору только на лыжах кататься, а они дорогу ремонтируют в такую стужу...” — жалостливо подумал Геннадий Петрович и спросил:

— Значит, путь ремонтируем?

— Ага... — ответил Джамиль.

— Да-а-а, — протянул человек в пижаме. И то ли он одобрил, то ли поразился духу советских людей, воспитавших таких мальчишек, и сочувственно спросил: — Небожь промёрзли?

— А то! — сказал Белогривый.

— Если шибко работать, мороза не видно, — поправил Гога, недовольно взглянув на приятеля.

— Верно. Звать-то тебя как? — спросил человек в пижаме.

— Гога, — смутился подросток.

— Верно, работа согревает и тело, и душу, — сказал Геннадий Петрович и заметил, что подростки поглядывают на столик; где лежали продукты — хлеб, открытая банка тушёнки, дразнящие квадратик шоколада, хотя генерал стоял, как бы прикрыв корпусом столик. Однако мальчишки не столько видели съестное, сколько чуяли его...

— Тихон Фёдорович, думаю, рабочий класс надо бы попотчевать, — сказал человек в пижаме, печально глядя на жидкие одежки подростков. Валенки, видно, не раз подшитые, как сапоги изломанные в голенищах, несоизмерно большие ватные брюки, телогрейки, оголившие тонкие, пунцовые от холода, тощие мальчишеские шеи, неуклюжие рукавицы, сшитые из кусков старых полушубков...

— Геннадий Петрович, этим я и занимаюсь... Как же не угостить хорошим бутербродом рабочий класс, — ответил генерал.

Услышав слово “бутерброд”, приятели недоумённо переглянулись.

— Что это такое? — шепнул Гога Джамилю.

— Я знаю?!

Геннадий Петрович неумело скрыл улыбку, сделал вид, что не расслышал перешёптывание подростков, и спросил:

— Давно работаете на путях?

— На путях недавно... — начал неуверенно Ишкильдинов, думая, что за “бутерброды” готовит им генерал? — Нас командировали помочь путейским рабочим... У них теперь почти одни женщины работают. Сами понимаете, без мужиков им нелегко... Новых рельсов заводы не поставляют... Старые мы в мастерских чиним, латаем, варим... Движение-то поездов надо поддерживать... А старые рельсы — они и есть старые. А тут ещё морозы на грех, сами видите, как закрутили...

В расстановочно-правдивом рассказе подростка было столько житейской уверенности и одновременно ангельской чистоты в помыслах, что Геннадий Петрович невольно похлопал мальчишку по плечу и с трудом воздержался, чтобы не похвалить ребятам вслух. Он чувствовал, что этим может испортить доверительное отношение, которое сложилось само собой.

Джамиль в свою очередь, краснея, высвободил из-под ладони человека в пижаме своё плечо. “Гордый, однако, рабочий класс!” — с отцовской теплотой подумал Геннадий Петрович.

— Вообще-то мы — слесари-прорубщики. Путевые накладки ремонтируем, — подсказал Гога. — Мы сдали на третий разряд... Больше года работаем.

— Выходит, вы с опытом, — отметил Геннадий Петрович.

— Я ж говорю — рабочий класс! — подсказал генерал.

— А то! — не без гордости произнёс Лёнька, вытянув шею, чтобы узырить, что за “бутерброды” так долго готовит генерал.

— Ну, как там у тебя, Тихон Фёдорович? — спросил Геннадий Петрович. — Не помочь? А то ведь поезд может пойти...

— Пока мы здесь, поезд никуда не пойдёт! — твёрдо заявил Джамиль и почувствовал, как после слов человека в пижаме у него до головокружения засало под ложечкой.

— Конечно, Геннадий Петрович, кто разрешит нашему поезду тронуться, пока рабочий класс в нашем вагоне? — в тон подростку сказал генерал.

— А то! — поддержал генерала Белогривый.

Генерал обернулся к подросткам и протянул каждому по огромному бутерброду — куску духмяного хлеба с мужскую ладонь и толщиной в два пальца, а на нём — куски варёного мяса в кольхающемся, аппетитно медового цвета желе. “И почему обыкновенный кусок хлеба с мясом генералы называют бутербродом?” — подумал Лёнька и вонзил прочные, как победит, зубы в неопикуемой вкусноты хлеб с мясом...

Джамилю попался странный “бутерброд”. В желе оказался какой-то жесткий и горьковатый лист. Как он попал туда? Вроде бы пора листопада прошла, да и потчуют не в тайге, а в генеральском вагоне... Посмотрел на “бутерброды” приятелей — листьев там не увидел. И всё же Джамиль смолотил свой кусок хлеба с мясом за милую душу, хотя лист и помешал почувствовать всю полноту вкуса необыкновенной еды.

— Спасибо... — опять наперебой сказали подростки. Их лица порозовели, спрятав недетскую серьёзность. В глазах исчезла печаль, невысказываемая в подростковом возрасте, когда нет духовной уверенности в морально-чувственных поступках...

— В Красной армии так просто не уходят, — строго заметил Геннадий Петрович, улыбаясь серыми глазами и уголками плотно сжатых губ. — У нас, помнится, ещё кирпич хлеба есть... — обратился он к генералу. — Думаю, надо его оставить рабочему классу. Мы на сухарях доедем до места...

— Точно, есть булка, — ответил генерал.

— Сухари тоже штука хорошая! — смекнул Белогривый.

— А то! — улыбнулся генерал мальчишеской хитрости. — Для полноты сухого пайка, думаю, следует приложить и шоколад.

— А то! — рассмеялся Геннадий Петрович. — Шоколад любите?

— А то! — шустро отозвался Лёнька и весь зарделся, посмотрел на приятелей — то ли он сказал. Друзья одобряли его активность.

— Успехов вам, рабочий класс! Держитесь... — похлопал каждого по плечу генерал. — С победой вернёмся по этой же дороге...

— А то! Телеграмму дайте — мы встретим...

Разморенные теплом и сытным бутербродом, подростки нехотя, тяжело покинули литерный поезд. Они ещё не успели спрыгнуть со ступенек вагона, как стужа схватила их в свои немилосердные объятия.

— Удачи и крепости духа вам, рабочий класс! — крикнул вслед генерал. За ним стоял Геннадий Петрович и махал рукой. Что он говорил, приятели не слышали. Поезд несколько раз дёрнулся, как в эпилепсии, громых-

хая буферами под гудок застоявшегося “ИС”, и, скрипя всеми членами стальных суставов, стал набирать скорость...

— Отогрелись? — внезапно подошёл дорожный мастер, держа в руке зелёный флажок.

— Отогрелись, Анатолий Васильевич... — ответил Ишкильдинов.

— А вы ещё не хотели идти... На фронт поехали генералы... Вернутся ли?

— Обещали вернуться, — подсказал Белогривый.

— Хорошо бы...

— Хлебушек возьмите, Анатолий Васильевич, — сказал Джамиль. — Вон у Гоги.

— Какой ещё хлеб? — строго спросил дорожный мастер.

— Генерал дал и тот, что в пижаме... Не бойтесь, Анатолий Васильевич, — протянул Гога кирпич хлеба, который на морозе стал на глазах леденеть. — Спрячьте за пазуху... И шоколад дали...

— Вы что, ребята! Они же вам дали! — осторожно оттолкнул двумя руками хлеб Корноухов.

— Мы от пуза поели в вагоне хлеб с мясом. Во как! — провёл по горлу рукой, спрятанной в рукавицу, Белогривый.

— Бутерброд называется, — подсказал Гога.

— Разве что так... — неуверенно ответил Корноухов и взял хлебушек. — Сладость оставьте себе — вам нужнее. Это как премия за отличную работу. Вот бригада-то обрадуется! И вам спасибо, ребята... Надёжные вы... — Почему-то ссутулившись и часто шмыгая носом, Корноухов направился к бригаде.

Хлебушек он нёс, как новорождённого, — нежно, бережливо, осторожно...